

1

Всё оказалось еще хуже, чем я себе представляла. Конечно, я знала, что мы едем в маленькую деревеньку, но не думала, что она будет такой крошечной. Такой незначительной. Такой... никакой.

— Чудовищно, — такой приговор вынес Леонардо, прилипнув носом к окну, когда автобус выехал на центральную улицу.

Мама подняла указательный палец.

— Послушайте, — сказала она. — Кажется, музыка.

Вдали звучала труба.

Наконец автобус остановился, облако пыли осело на землю, и мы увидели музыкантов — четверых мужчин, одетых в нелепые зеленые куртки, которые всем им были заметно малы. Мужчины были уже в годах и довольно толстые, но играли неплохо, даже с учетом жутких завываний ветра, заглушавших музыку. Женщина рядом с ними сжимала в одной руке букет цветов, а другой придерживала платье, чтобы оно не задиралось. Возле нее стоял папа и махал нам.

Леонардо испустил преувеличенно тяжелый вздох и сказал саркастически (казалось, за эту поездку он разучился говорить иначе):

— Деревенский оркестр. Они что, из прошлого века?

Мама толкнула его локтем и улыбнулась единственной пассажирке, которая вместе с нами доехала до самого конца.

— В честь чего праздник? — спросила мама, пока мы готовились выходить.

Женщина удивленно улыбнулась.

— В честь вашего приезда. Вы ведь семья Эррера?

— Откуда вы знаете?

— Да как же мне не знать, — улыбнулась она. — Каждый новый человек во Флоресе — это всегда целое событие. Здесь в последний месяц только о вас и говорили.

— Поверить не могу, — прошептал Леонардо мне на ухо, пока мы шли к выходу. — Просто поверить не могу.

Дверь открылась. Мы приготовились было выходить, но почувствовали, как мама положила руки нам на плечи. Мы обернулись и поймали ее взгляд — типичный взгляд взволнованной мамы.

— Вы сами всё понимаете, — вот и всё, что она сказала.

Мы и правда всё понимали. Что должны улыбаться, благодарить всех за гостеприимство, а главное — держать при себе свои соображения о переезде во Флорес.

— Не волнуйся, — успокоила я ее, — нам и в голову не придет говорить правду.

— Ни за что, — добавил мой брат и тут же нацепил фальшивую улыбочку, которая не слезала с его лица ни на секунду, пока он знакомился с убийственно любезными жителями Флореса.

Хоть я этого и не показываю, мне почти так же плохо, как Леонардо. По правде говоря, трудно было

смириться со всем, что произошло за последние несколько месяцев.

В августе моего папу (он врач) выгнали с работы. Однажды он вернулся домой с совершенно убитым лицом — на нем были написаны удивление, боль и злоба — и рассказал, что в больнице сложная экономическая ситуация, так что администрация решила сократить персонал. В другое время — повторил он раз сто — найти новую работу было бы совсем не сложно, но сейчас, в самый разгар кризиса...

Кризис. В последнее время в Аргентине это слово просто не сходит с уст. Мы застали смену нескольких президентов, видели, как тысячи людей выходят на улицу, протестуют, бьют ложками в кастрюли, как в барабаны. Но всё это меркло по сравнению с папиным выражением лица — после того, как он просматривал все вакансии в газетах и убеждался, что для него ничего нет. Жутко мрачный, нервный, раздраженный, он начал придумывать болезни нам с Леонардо, чтобы было кого лечить. Однажды, после того как он послушал Леонардо стетоскопом, проверил коленный рефлекс и тщательно осмотрел белки глаз — а всё из-за простуды, — мой брат не выдержал и крикнул папе:

— Тебе нужен пациент!

Это было правдой. Папе был очень нужен пациент. А лучше пациенты. Последние несколько месяцев мы жили на то, что мама зарабатывала частными уроками математики, но уроки — дело ненадежное: в декабре начнутся каникулы, и всё. Что же мы тогда будем делать?

Вот как обстояли дела, когда однажды вечером папа объявил, что ему предложили работу. Я завопила и кинулась его обнимать.

— Правда?

— Правда, — улыбнулся папа. — Им нужен врач.

Но я почувствовала: что-то тут не так. Папа улыбался как-то отстраненно и явно пытался не смотреть мне в глаза.

— Это довольно далеко, — объяснил он. — Нам придется переехать.

— Переехать? — мамина улыбка слегка выцвела. — Куда?

— На юг, — ответил папа. — В Патагонию*. Деревня называется Флорес. Мне сказали, природа там потрясающая.

Постепенно выяснялись новые подробности.

* Патагония — природная область в Южной Америке на территории Аргентины и Чили. Это малонаселенный регион, где преобладает дикая природа и находится несколько национальных парков. (Здесь и далее — примеч. ред.)

Оказалось, во Флоресе даже больницы нет — только медпункт с одним врачом и сестрой. Предыдущий доктор недавно уволился — ему было семьдесят восемь, и у него уже не хватало сил, чтобы накладывать гипс мальчишкам, которые ломали руки и ноги, играя в футбол. Нужен был новый врач, и работу предложили папе — годовой контракт с возможностью продления, если всё пойдет хорошо. Это маленькая деревушка, повторил папа, совсем маленькая.

— Насколько? — спросила мама.

— Меньше пятисот жителей.

Только тогда мы начали понимать, о чём идет речь. Флорес находится в семидесяти километрах от города Сан-Маркос, но из этих семидесяти километров только первые двадцать можно ехать по асфальту. Дорога плохая, нет, ужасная. Зимой, когда идет сильный снег, деревня оказывается отрезана от остального мира. И весной, когда идет дождь — а дожди там идут часто. Во Флоресе нет ни кино, ни театров, ни дискотек. К счастью, школы там есть, уточнил папа. Целых две.

У Леонардо лицо слегка позеленело, как будто он вот-вот упадет в обморок.

— Там есть компьютерные клубы? — спросил он в панике.

— Мне о них не говорили, — осторожно ответил папа. — По правде говоря, я сомневаюсь.

Верхняя губа Лео дрожала, когда он тоненьким голоском задал следующий вопрос:

— А интернет?

Папа молчал.

Времени на раздумья почти не было — во Флоресе ждали ответа как можно скорее. Мы еще не свыклись с мыслью о переезде, а папа уже собирал чемоданы. Стоял декабрь, он должен был выезжать немедленно. Мы оставались еще на месяц — надо было доучиться до конца года и сдать дом. В течение всего месяца Лео рассказывал всем, кто попадался на его пути, что мы уезжаем жить в чудовищное место.

— Там нет ни больниц, ни кино, ни театров, ни дискотек, ни компьютерных клубов, ни интернета — вообще ничего, — твердил он. — Этой деревни, наверное, просто не существует. Думаю, они все давно умерли, просто сами не заметили.

Я пыталась не слушать его и не поддаваться панике, но и мне было непросто расставаться с друзьями и уезжать из дома, где я прожила всю жизнь. Я попыталась было убедить Леонардо, что это начало удивительного приключения, но мой брат в свои одиннадцать лет оказался жутким циником.

— Приключения? Во Флоресе? — переспросил он. — Да если мы не умрем там от скуки — вот это будет чудо. Хотя нет, мы наверняка умрем, нас похоронят во Флоресе, и это будет самая бесславная смерть в мире.

Мы уехали в пятницу вечером. Из Буэнос-Айреса в Сан-Маркос мы добирались целый день. Уже около Сан-Маркоса автобус вдруг повернул, и мы увидели потрясающее озеро, окруженное горами. Я вспомнила, что писал папа в одном из писем: «От здешних пейзажей дух захватывает». Я потрясла Лео за плечо, чтобы он тоже посмотрел. Может, сказала я, не так и плохо будет тут жить.

— Ты чего, — зевая, ответил он, — год собираешься пейзажами любоваться?

Я понимала, что по большому счету он, конечно, прав. Особенно остро я это почувствовала в последние два часа, когда автобус подскакивал на каждом камне или пригорке, а пыль залетала в окно и покрывала нас ровным слоем.

И вот мы здесь, во Флоресе, и странные мужчины в зеленых куртках с трубами наперевес играют в нашу честь, а женщина в оранжевом платье вручает маме букет цветов и торжественно объявляет,

что жители Флореса счастливы, совершенно счастливы приветствовать нас у себя. Я раз двадцать сказала, что меня зовут Мара, что мне четырнадцать лет и что да, я очень рада, что мы приехали сюда. Потом прибежали мэр и директриса местной школы, они вручили нам коробку конфет, звонко расцеловали в щеки, покрытые пылью, и я подумала, что всё это выглядит несколько преувеличенно. Но, может быть, папа был прав и я просто не представляю себе, как живут люди во Флоресе.

2

Дневник Группы Спасения

21 января

Сегодня состоялась первая встреча Группы Спасения Флореса. Я, Анхелес Эспиноса, решила, что буду вести дневник и описывать все наши встречи. Я подумала, что, если мы победим, это будет хроника нашего подвига, которую мы завещаем будущим поколениям жителей Флореса. А если потерпим поражение, мои записи станут свидетельством того, что мы сделали всё, что было в наших силах, чтобы спасти Флорес от смерти.

Группа Спасения будет собираться регулярно в Си-нем зале клуба. Места, конечно, маловато, зато мы далеко от бара и бильярда, а значит, защищены от шума и зевак. Не то чтобы встречи Группы были секретными, просто поначалу мы решили особо не распространяться о нашей деятельности — чтобы никто нам не мешал. Также мы решили, что не возьмем новых участников, — уже сейчас нам сложно принимать решения без споров. Вот список нашей группы.

Луис Верду, мэр Флореса.

Мария Роса Санчес де Верду, супруга Луиса и директриса начальной школы.

Сантьяго Руэда, плотник, кузнец и скульптор. Сейчас у него мало работы, поэтому он ходит по домам и делает ремонт, если у кого-то что-то сломалось. Вообще-то он испанец, но живет тут всю жизнь.

Марта Фальдутти, хозяйка «Радуги» (это магазин одежды для женщин и девочек). Специализируется на свитерах, которые вяжет сама.

Летисия Фернандес, учительница физики и математики в средней школе. А еще она дает уроки фортепиано, если получается найти учеников.

Орасио Стерн, муж Летисии. Раньше работал на лесозаготовках, а сейчас занимается грузоперевозками — у него есть свой грузовик.

Анхелес Эспиноса (это я), специалист-кондитер. Хозяйка ресторана «Эль-Лаго» (ранее — отеля «Эль-Лаго»). Писательница-любитель (ни одной моей книги пока не опубликовали, но у меня есть несколько тетрадей стихов и рассказов, а еще один незавершенный роман).

Я бы хотела объяснить, почему именно мы всемером вошли в Группу Спасения, но, по правде говоря, я сама не знаю. Точнее, так: каждый из нас когда-либо

ЛУИС
ВЕРДУ

(МЭР ФЛОРЕСА)

ГРУППА
СПАСЕНИЯ
ФЛОРЕСА

АНХЕЛЕС ЭСПИНОСА
(СПЕЦИАЛИСТ-КОНДИТЕР)

МАРИЯ РОСА САНЧЕС
ДЕ ВЕРДУ
(СУПРУГА МЭРА)

САНТЬЯГО РУЗДА
(ПЛОТНИК, КУЗНЕЦ
И СКУЛЬПТОР)

ОРАСИО СТЕРН
(МУЖ ЛЕТИСИИ)

ЛЕТИСИЯ ФЕРНАНДЕС
(УЧИТЕЛЬНИЦА ФИЗИКИ
И
МАТЕМАТИКИ)

МАРТА ФАЛЬДУТТИ
(ХОЗЯЙКА МАГАЗИНА
«РАДУГА»)

выражал определенные опасения и беспокойство по поводу того, что будет дальше с Флоресом. Мы видели, что дело плохо и, если ничего не предпринимать, дальше будет только хуже. Нас собрал вместе дон Луис — он сказал, что нужно поговорить о нашем будущем.

Сегодня он первым взял слово (у него была с собой записная книжка с актуальными сведениями о Флоресе). И вот что он сказал. Как все мы знаем, в тучные годы во Флоресе было более тысячи восьмисот жителей, однако, согласно переписи, которую он сам проводил, в 1999 году во Флоресе жили тысяча тридцать семь человек. Год спустя, к декабрю 2000 года, это число сократилось до семисот восьмидесяти двух. В этом году нас во Флоресе всего триста девяносто восемь, а на следующей неделе уезжает семья Россо (отец, мать и двое детей), то есть жителей останется триста девяносто четыре. Это, конечно, катастрофа — не отъезд Россо, а ситуация в целом. По данным дон Луиса, Флорес сейчас можно причислить к «деревням под угрозой вымирания». Если отток жителей не остановит, Флорес перестанет существовать!

— А что это значит? — поинтересовался Сантьяго.

— Что он умрет. Совсем опустеет, как это произошло с другими местами. В стране около четырехсот деревень в таком состоянии: люди уезжают и уезжают, пока от деревни не останется одна скорлупа — горстка

покинутых зданий, покрытых пылью. Их называют деревни-призраки. Как Мансанарес.

— Как Мансанарес? — в ужасе повторила Марта. — Нет, Луис, с нами такого не может случиться. Как же такое может быть?

И тогда мэр Флореса проанализировал наше положение — по правде говоря, мы все и без того знали, как обстоят дела, но он настоял. Он начал с закрытия железнодорожной станции — а закрыли ее почти двадцать лет назад. Однако, по словам дон Луиса, с последствиями мы до сих пор имеем дело каждый день. Потом он упомянул лесопилки: одну закрыли в 2000 году, а вторую — шесть месяцев назад. Из-за этого множество жителей Флореса (я всегда использую это выражение, хотя некоторые предпочитают называть себя флорианцами) осталось без работы.

Также он сказал о проблеме с дорогой: в этом году из-за кризиса власти Сан-Маркоса перестали присылать рабочих, чтобы те чинили дорогу. И если раньше хоть какие-то туристы к нам приезжали, то сейчас по камням и пыли до Флореса лишь изредка добирается горстка безумцев с рюкзаками, но такие обычно ставят палатки в лесу и не тратят в деревне ни песо — а значит, не способствуют процветанию Флореса. Туристы могли бы стать для Флореса настоящим спасением, но в нынешней ситуации мы просто не сможем никого к себе заманить.

И наконец, заключил дон Луис, все мы знаем, что многие жители Флореса работают на холодильной установке в двух километрах отсюда. Ходят слухи, что дела там идут неважно. А если ее закроют, нам конец. Прямо так и сказал — нам конец.

Тогда взял слово Орасио. Он сказал, что нам нужно заасфальтировать дорогу (раздался общий ропот: это все и так знают). Дон Луис напомнил, что уже двадцать лет пытается добиться от правительства асфальта, но пока его попытки не увенчались успехом. А теперь из-за кризиса шансов стало еще меньше.

Летисия предложила учредить комиссию для переговоров с мэром Сан-Маркоса и убедить его хотя бы поддерживать дорогу в приемлемом состоянии. Луис ответил, что десять лет назад уже беседовал об этом с мэром и ничего из этого не вышло. А еще он слышал, что в прошлую среду тому пришлось спрятаться у себя в офисе, потому что к нему пришла толпа разгневанных горожан, они били в кастрюли и требовали снизить налоги и раздать нуждающимся еду. В таких условиях судьба Флореса не волнует никого, кроме самих жителей Флореса.

Тогда слова попросил Сантьяго, плотник. Он сказал, что нужно пойти поговорить с доном Альфонсо Вера.

— С доном Альфонсо? — переспросила Мария Роса. — С этим богачом? Ему уже небось за девяносто.

— Девяносто три, если точно, — подтвердил Сантьяго. — Он на десять лет старше меня. И, как вы правильно заметили, он очень богат.

— Но что он может сделать? — спросила Летисия.

— Он приехал во Флорес много лет назад, когда только-только начал свой бизнес. Дела у него шли хорошо, он купил землю, стал что-то выращивать. А потом — вы все слишком молодые, не помните — на одном из его участков нашли нефть. Приехали люди из Буэнос-Айреса и купили его землю, а у него остался только дом. Мало-помалу его семья стала уезжать. Его жена умерла, а дети теперь живут в городе, здесь живет только его внук.

— А при чём здесь всё это? — снова спросила Летисия.

— У Альфонсо куча денег, и, похоже, я единственный, кто помнит, какое обещание он дал, когда в его земле нашли нефть. Он сказал, что когда-нибудь оплатит асфальтовую дорогу до Флореса. Пришло время заставить его выполнить это обещание.

— Сейчас, в девяносто три года? — воскликнула Марта. — Да он даже не вспомнит! А еще он, по-моему, глухой.

— А мы ему напомним, — невозмутимо ответил Сантьяго. — И, если надо, покричим.

— Но почему он должен нас послушать?

— Он всегда любил Флорес. И вообще, попытка — не пытка.

Здесь он был прав. Так как других проектов предложено не было, мы утвердили этот. Была создана комиссия — Сантьяго, Луис, Мария Роса и Летисия, — которая должна была как можно скорее переговорить с доном Альфонсо Вера. Больше тем для обсуждения не было, так что мы принесли из бара напитки, чтобы не расходиться просто так. Кто-то упомянул семью Эррера.

— Это семья нового доктора, — объяснил дон Луис. — Недавно приехали его жена и двое детей — очень симпатичные.

— Вряд ли они тут задержатся, — заметила Марта. — Они люди городские, не смогут приспособиться.

— А может, ты ошибаешься, — сказала Мария Роса. — Может, они влюбятся в наши места. Давайте выпьем за то, чтобы они остались. Нам нужна молодежь.

— За Эррера и за асфальт, — сказал Сантьяго, поднимая стакан. Все чокнулись и выпили.

3

Даже мой братец, к которому накрепко приклеилась гримаса страдания, типа «ну почему всё это должно было произойти именно со мной», был вынужден признать, что дом оказался неплох. Он не просто больше, чем тот, что был у нас в Буэнос-Айресе, тут еще и потрясающий сад. Мы всю жизнь жили в квартире, где, чтобы увидеть небо, нужно было по пояс высунуться из окна. Поэтому вся эта зелень стала для нас неожиданным подарком: тут шесть деревьев, настоящая лужайка и даже цветы. Папа рассказал нам, что это дом предыдущего врача, который переехал в город, и что мы снимаем его очень дешево.

— Ну еще бы, — сказал мой брат. — Больше никто не захотел бы тут жить.

Папа пропустил его комментарий мимо ушей. Он приготовил нам еще один сюрприз: купил у семьи по фамилии Россо, которая вот-вот собиралась уезжать из Флореса, четыре подержанных велосипеда. А еще папа сказал, что в его распоряжении

старая машина в медпункте — она вообще-то для экстренных случаев, но почти никогда не используется.

— Тут все ездят на велосипедах, — объяснял папа, пока мы разбирали чемоданы. — Вы сами увидите. Можем прямо сегодня прокатиться к озеру, оно вам очень понравится.

Видно, что папа изо всех сил старается сделать так, чтобы нам тут понравилось. Я пытаюсь казаться довольной, но это непросто. Виды тут потрясающие, это да, но всё выглядит таким крохотным, таким жутко скучным...

— А как тут школа? — спросила я, чтобы проявить интерес.

— Можем туда тоже съездить, если хотите, — сказал папа. — Сейчас, понятное дело, каникулы, но директриса живет тут неподалеку, она уже пригласила нас заходить в любой момент. Начальная и средняя* стоят рядом, так что сможете ходить вместе.

— Великолечно... — сказал мой брат тоном, который уже начинал нас всех раздражать.

* В Аргентине школьное образование делится на две ступени по 6–7 лет: начальная (с 6 до 12–13 лет) и средняя школа (с 13 до 18–19 лет), так что 11-летний Леонардо учится в начальной школе, а 14-летняя Мара — в средней.